

# Стратегия России в тисках истории и сценариев



**Дискин Иосиф Евгеньевич**,  
сопредседатель  
Межрегиональной  
общественной  
организации «Совет по  
национальной стратегии»,  
член научно-экспертного  
совета ВЦИОМ,  
профессор

Я буду говорить не о стратегии, которая должна быть, а о стратегии, которая возможна. С моей точки зрения, коридор возможностей развития страны предельно ограничен, и, если мы будем действовать и дальше в своих рассуждениях по принципу «нарисуем, будем жить», мы получим результаты, которые получали уже неоднократно. Поэтому фокус моих соображений состоит в том, что надо искать коридоры возможностей, определяемые не только собственно экономическими соображениями. Олег Тимофеевич Богомолов совершенно справедливо говорил о том, что фокусировка только на узко экономических соображениях малопродуктивна, особенно в нашем благословенном отечестве.

Первое: многократно уже отмечалось, что драйверы нашего роста не повышают качества экономи-

ки. Сырьевые сектора и коммуникации IT-индустрии базируются на импортных технологиях, а модернизация в сырьевых секторах не диффундирует в смежные сектора. Почему?

Второе: рост экономики, повышение уровня жизни сегодня подрывает конкурентоспособность в основных секторах нашей экономики. Попытка строить экономику, развивать массовые производства приводит к тому, что по мере роста уровня жизни и, соответственно, зарплат эти сектора становятся неконкурентоспособными. Экономическое развитие не задает значимого спроса на качественное образование и на развитие прикладной науки, поскольку экономическое развитие сегодня в малой степени обусловлено внутренними технологическими импульсами, а низкий уровень конкуренции не создает высоких требований к качеству менеджмента при подготовке квалифицированных кадров.

И наконец, экономическая политика не стимулирует высокие темпы роста и абсорбирование реальным сектором накопленных огромных финансовых ресурсов.

Каковы предвидимые последствия? Сужение спектра конкурентоспособных секторов влечет за собой самые серьезные последствия для занятости и бюджетного процесса. Затухание темпов экономического роста ведет к эффекту Рингельмана, поскольку в стране раскручены экономические и социальные ожидания, а социальные напряжения связаны именно с этим эффектом. Одновременно идет сужение бюджетных возможностей и, соответственно, упадок традиционно сложившихся социальных секторов экономики. Поскольку мы здесь находимся

в лоне российской фундаментальной науки, надо заметить, что такой вариант исключает отечественную науку и ее технологические центры из контуров экономического развития. Это приведет к тому, что сузившиеся бюджетные возможности не могут содержать уже в этом смысле «бессмысленный довесок» — Российскую академию наук.

Происходит деградация человеческого капитала, эмиграция активных, квалифицированных кадров и деградация социального капитала. Таким образом, эти противоречия ведут к экономическим, социальным и политическим рискам, о части которых говорил прототипом Всеволод Чаплин.

При таком понимании фокус стратегий — это борьба России за высокомаржинальные сектора на внутреннем и глобальном рынке. Надо понимать, что, например, специализация экономики США — это и есть специализация на высокомаржинальных секторах. Структура американской экономики выстроена по принципу: высокомаржинальные сектора и ничего другого. Все остальное можно переводить в Китай или куда-нибудь еще.

Рост корпоративных доходов, если нам удастся решить эту проблему, позволит поддержать конкурентоспособность за счет инвестиций, в том числе высокотехнологичных, увеличить рост частного спроса на технологии, науку и качественное образование.

Рост доходов бюджета даст возможность государству инвестировать в будущее, поддержать производство человеческого капитала и самое главное — создаст возможность некризисного роста доходов населения. Последствия

кризисного роста мы сегодня видим в Европе.

Теперь о ресурсах борьбы и наших коммерческих преимуществах. Первое: у нас сегодня почему-то популярна странная, совершенно суицидальная склонность к борьбе против развития сырьевого сектора экономики, в то время как все прогнозы говорят о том, что ближайшие тридцать лет пройдут под лозунгом борьбы за сырьевые ресурсы. Проблема в волатильности цены на эти ресурсы, но это совсем другой диагноз с другими средствами борьбы с этой болезнью. У нас есть природные ресурсы, пользующиеся коммерческим спросом. Второе: у нас и сегодня имеются значимые доли в ряде высокомаржинальных секторов.

Я хотел бы обратить внимание на наше очень существенное преимущество — значимое военнотехническое сотрудничество, за которым, как правило, следует и продвижение невоенного экспорта. В перспективных секторах сохраняется квалификационный потенциал, сохраняются элементы качественного образования. Я хотел бы обратить внимание на то, что в нашей стране наблюдается очень высокий уровень активности населения и значительный потенциал социальной активности при условии определенных институциональных изменений. Есть технологические заделы, есть широкий фронт фундаментальных исследований. Это, кстати говоря, огромное конкурентное преимущество российской экономики. Но огромные финансовые ресурсы

заморожены в золотовалютных резервах.

В чем наши фундаментальные слабости? Первое и главное: слабое влияние стратегической компоненты развития. У нас практически отсутствуют средства реализации стратегии. Если кто посмотрит на наши федеральные целевые программы, то станет понятно, что это бюрократические отписки, к стратегии не имеющие отношения.

Утилитаризм принимаемых решений примитивен, лишен политического и стратегического звучания.

И конечно, слабость и непоследовательность государственного механизма, его податливость на лоббизм и коррупцию, которая доходит до 7% ВВП. Кроме того, ограниченность пространства конкуренции, низкое качество институтов, барьеры инновационного развития.

Что же может стать критерием успеха нашей борьбы за такую стратегию? Он становится более или менее ясным, поскольку я говорю об очень ограниченном 15-летнем горизонте, когда все фундаментальные вещи уже на столе и остается их реализовать. Есть очень хороший индикатор успеха или неуспеха стратегии — это доля наиболее активной и образованной квалифицированной молодежи, уезжающей из страны. Академик Владимир Евгеньевич Фортов, заведующий кафедрой физики высокотемпературных процессов МФТИ, говорит, что у него в группе еще пять лет

тому назад из двенадцати человек уезжало десять, сейчас стало восемь. Вот это индикатор интегрального качества нашей экономической политики. Это означает, что условием успеха будет создание социального равновесия, при котором социальный потенциал, создаваемый в стране, будет использоваться для ее развития. Это заодно и эмпирический индикатор успеха или неуспеха тех или иных решений.

А что необходимо для успеха? Первое: необходимо иметь в седьмом-восьмом децилях уровень доходов, сопоставимый с европейским. Но дело в том, что сегодня у нас почти 16 тыс. долл. ВВП на душу населения по паритету покупательной способности, а для того, чтобы выстроить социальное равновесие с Западом, нам нужно иметь в среднем 30 тыс. долл. С учетом того, что у нас другая дифференциация, чем в Европе, и другая дифференциация, чем в США, если мы будем иметь в седьмом-восьмом децилях уровень 30 тыс. долл., это будет означать, что в этих децилях имеются более или менее европейские условия жизни. Это не бог весть что, это значит, что нам нужно удвоение по экономическому уровню. И это означает, что нам нужно иметь 5,5% в год темпа роста в течение 12–15 лет. Но если учесть, что за этот период нефть превратится в обычный ресурс, не слишком дефицитный, то, скорее всего, нам придется сдвинуться еще на один процентный пункт темпов экономического роста, чтобы компенсировать предвидимое снижение, не катастрофическое, но некоторое снижение. А для



# X

GLOBAL STRATEGIC FORUM (GSF)  
ГЛОБАЛЬНЫЙ СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ФОРУМ

# 2010

этого нам необходимы конкурентоспособные институты. Главная проблема России и главный барьер — это институциональная среда. Основной вывод современной теории модернизации — это, конечно, институциональный барьер.

Теперь о стратегическом развитии. В чем наша проблема? У нас за стратегичностью развития стоят умствования, а не интересы. У нас отсутствует структура интересов влиятельных игроков и, соответственно, невозможность выстроить прагматичные коридоры возможностей.

Второе: необходимо менять подход к проблемному видению. У нас десятилетиями говорили про необходимость развития сети детских домов, а когда поняли, что проблемой является социализация детей, оставшихся без попечения, то в ряде субъектов Федерации детские дома исчезли, потому что дети были усыновлены с позитивными последствиями.

И наконец, необходимо сделать стратегию реальным инструментом развития.

Теперь о приоритетах стратегий. Самый главный приоритет — это институциональная реконструкция, которая даст 2–3% роста ВВП.

У нас сегодня относительно плохо идет заимствование чужих технологий и за счет этого быстро идет модернизация целого ряда секторов, но в то же время мы не добиваем приблизительно 2–3%, которые придется добирать за счет инноваций. Что такое 2–3% за счет инноваций? Это создание гигантского инновационного сектора, которого и близко у нас сегодня нет. Это порядка 8–12 трлн руб. в год.

В чем наши шансы на успех? У нас есть очень хорошие шансы в тех секторах, где предстоит борь-

ба: оборонная промышленность, энергетическое, транспортное и точное машиностроение. По всем этим секторам есть хорошие конкурентоспособные заделы или большой рынок, который может использовать заимствованные технологии.

Самое главное — институциональная реконструкция, преодоление тенденций декоративного государства. У нас очень достойные формальные законы, кроме Федерального закона № 94, который относится к категории юмора. Но методические конкретные документы — мы в Общественной палате это исследовали очень внимательно — написаны так, будто никто изначально не собирается их выполнять. Они написаны просто для декорации.

Другой шанс — формирование платежеспособного спроса на справедливые устойчивые институты. У нас много говорится о том, что было бы хорошо, если бы у нас была демократия и хорошие институты, но никто не готов нести издержки, необходимые для работы этих институтов. Известно, что существует два способа борьбы с безбилетниками — либо честный контролер, либо самоорганизация участников проезда. С первым способом в нашей стране совсем плохо, но для второго способа нет даже мотивации.

А теперь приведу один пример в завершение выступления. В ходе обсуждения проблем бизнеса некий бизнесмен утверждает, что нужно поднять легитимацию российского бизнеса. Я спрашиваю: «А Вы готовы бороться с теми, кто подрывает эту легитимацию на горизонтальном уровне?» На что мне отвечают: «Бизнес никому ничего не должен, кроме налогов». Но налоги не платятся. И соответственно, без решения этой проблемы, без проблемы институциональной реконструкции никаких шансов на успешную реализацию стратегии нет.



**Кургинян Сергей Ервандович,**  
*политолог,  
президент  
международного  
общественного фонда  
«Экспериментальный  
творческий центр»*

Начну с общих проблем. Есть неосознаваемая в очень серьезных слоях нашей политической и интеллектуальной элиты проблема модернизации. Я не знаю, что имеется в виду под современными теориями модернизации, но я знаю Вебера, знаю Хабермаса и представляю, что они об этом говорят. Однако в конечном итоге не так даже важно, кто и что говорит, важно, в чем смысл говоримого. А смысл говоримого заключается в том, что модернизация — это переход из некоего традиционного общества в общество модерни. И все. Есть традиционное общество с его параметрами, с его коллективизмом, с его заданными ролевыми функциями, с его сословной стратификацией. И вот из этого общества надо перейти в общество модерни. Это и есть модернизация.

С этой точки зрения мы модернизацию осуществляли уже раза четыре или больше, и у нас уже некого модернизировать. Это не абстрактная философская проблема высшего уровня, это абсолютно политически актуальная проблема, ничего более актуального быть не может.

Если вы под модернизацией имеете в виду нечто типа модернизации авионики, то есть технологическую модернизацию, модернизацию индустриального контура, ради бога. Но о модернизации общества так говорить невозможно, потому что для нее нет базы. Эта база ушла в Азию, и это ключевая проблема глобального мира, тупая реальная проблема, стоящая перед лицом каждого, кто не хочет закрыть глаза, заткнуть уши и спрятать голову в песок. Модернизация ушла в Азию по одной простой причине: в Азии есть ресурс традиционного об-

падной цены, за двадцатую часть западной цены.

Итак, центр модернизации ушел в Азию. Модернити ушла в Азию, и Азия тянет еще локомотив модернити, но это не мы. Мы антропологически не можем подключиться к азиатской модернити, мы прошли эту фазу, и никто не хочет признать этого, хотя это понятно каждому, как дважды два — четыре. Но почему-то об этом запрещено говорить. Наверное, потому, что если сказать об этом, то все остальные разговоры становятся бессмысленными.

## Если буржуазия неспособна быть классом для России, ее просто не должно быть. К сожалению, это единственная альтернатива.

щества. Модернизация, к сожалению, движется очень простым образом: берется из толпы традиционный человек, готовый работать за 3–4 долл., за 10–20 долл. — это замечательно, за 100 долл. — это счастье. Так вот, он берется из традиционной крестьянской, аграрной, архаичной матрицы и кидается в топку модернизации, это и есть двигатель всего процесса модернизации.

Но такого человека нет. Такой крестьянин был в эпоху сталинской модернизации, этот ресурс был в эпоху Петра I, теперь его нет. Маргинал — это не традиционный человек. Человек, брошенный в регресс, — это не человек традиционного общества.

У нас нет антропологического материала для модернизации. Этот материал есть в Азии. В Китае он есть, и Китай бурно осуществляет модернизацию. В Индии он есть, в Индии есть люди, живущие вполне на европейском уровне или близко к нему, а есть все время валяющиеся на улице. Вы выходите из аэропорта и первое, что вы видите, — босые люди, которые готовы работать за десятую часть за-

рядом с этим ресурсом азиатской модернизации существует азиатская контрмодернити. Это радикальная часть исламистского мира, которая отрицает модерн как состояние человечества вообще, отрицает его с его развитием, прогрессом и всем прочим. Она хочет назад, в свои шатры, к верблюдам, в новое Средневековье и так далее. Это агрессивный слой, который побеждает, побеждает в пределах целой цивилизации, и мы не имеем права отождествлять ислам с исламизмом, а исламизм с радикализмом. Но мы видим, что этот радикализм побеждает. Это некий мейнстрим, огромное количество достаточно энергичных людей, которые двигаются в ту сторону.

Существует также унылый постмодерн, который охватывает по крайней мере большую часть Европы и который постепенно расползается и по Соединенным Штатам. Не берусь говорить, что именно там происходит в деталях, но мне кажется, что процесс идет в эту сторону.

Постмодерн — это не способ жить и развиваться, постмодерн — это

способ обустроиваться на обломках модернити. Модернити рухнула, больше двигаться невозможно, идет остановка всего этого дела. Плюрализм ценностей, всеобщий релятивизм, игра, заменяющая собой историю, и все прочее. В пределах этих трех проектов России нет места, и все, что у нее остается и на что она может обратить внимание всерьез, это свой советский опыт, потому что советский опыт не был опытом модернизации в строгом смысле по одной причине: модернизация без разрушения коллективистского общества — не модернизация.

Если в пределах советской модели модернизация шла без разрушения коллективизма и даже с наращиванием его, она не была модернизацией. Думаете, плохо? Нет, именно это и хорошо, потому что где-то в подкорке у русских есть альтернативные модели развития, не сводимые к модернити.

И, может быть, все, что русские могут принести миру, и все, чего мир ждет от русских, — это альтернативные модели развития. В этом смысле Россия всегда была частью западного мира и всегда была альтернативной частью западного мира. Православие — это хоть и альтернативное, но христианство. Коммунизм — это западная идеология, но это альтернатива капиталистической идеологии. В России есть этот код, в ее природе. И, может быть, всего, чего ждут от русских, ждуг с безнадежностью и усталостью, — это какого-то нового слова в том, что касается развития в XXI в. Потому что машины развития или поломаны, или переданы в азиатские руки, они взяты из рук европейской цивилизации и переданы другой.

Это общая проблема, которая предполагает только одно: мы снимаем первое табу — на обсуждение альтернативных модернизаций и моделей развития и второе табу — на обсуждение совет-

ского опыта. Мы перестаем непрерывно пугать всех ужасами сталинизма, пустыми прилавками и т.д. Мы начинаем холодно, спокойно и по существу анализировать собственную историю и особенности развития. Абсолютно холодно, без всяких эмоциональных разговоров на эти темы. Как когда-то пелось: «Разговор на эту тему портит нервную систему».

Мы перестаем портить себе нервную систему дешевыми присказками двадцатилетней давности и начинаем разговор по существу. Если этого нет, то получается до-сужий треп о модернизации, который будет продолжаться точно до момента, когда социальные толчки разбудят всех, даже самых сонных.

Теперь я перехожу с высокого уровня на самый низкий. Скажите мне, пожалуйста, о какой модернизации может идти речь в случае, если интеллектуальный слой страны сброшен в социальное недофинансирование и социальную маргинализацию? Как можно обсуждать бесконечно эту проблему высоких технологий и смотреть на то, как профессор получает вдвое-втрое меньше чернорабочего? Какой разговор о модернизации может происходить в этом случае?

Мы пытаемся закрыть глаза на реальность. В какой стране мира это может происходить? В Латинской Америке? В Индии? Там, может быть, живут и хуже какие-то слои общества, чем у нас, но нигде нет такого перекаса, в котором слои с высоким интеллектуальным уровнем живут хуже, чем слои с низким интеллектуальным уровнем. Это инверсия. Столь желанная всем перестройка, которую так ждала наша научно-техническая гуманитарная интеллигенция, сделала только одно — всех, кто ее ждал, она уничтожила в социальном смысле.

Для того чтобы можно было говорить о модернизации чего бы то

ни было, эти интеллектуальные слои должны получать хотя бы вдвое-втрое больше, чем рабочие средней квалификации. А лучше бы вчетверо. И так было в «проклятый советский период». Они протянули на себе эту перестройку, и их сбросили. Не шофера, не штукатурищика, а их. И это несомненный факт.

И наконец, третий факт. Скажите мне, пожалуйста, как можно говорить сейчас о просвещенном развитии в условиях, когда простые учителя в отдаленных районах страны получают 6–8 тыс. руб. Я называю реальные цифры. Я завален тысячами писем, где эти зарплатки непрерывно фигурируют.

Это люди, которые абсолютно отчуждены от всего, что считается завоеваниями последнего двадцатилетия. Я много раз спрашивал: почему дефицит товаров настолько хуже дефицита денег, почему для человека лучше безденежье и откровенная нищета, невозможность купить даже низкокачественные товары? Эти люди для нас не существуют, они не являются частью модернизации?

Когда-то в одной достаточно жесткой дискуссии мне вдруг сказали, что я ничего не понимаю в смысле перестройки: модернизировалось не общество, модернизировалась элита. На мой вопрос: «За счет чего?» — мне ответили: «За счет всего!» Еще один участник той дискуссии нервно отреагировал: «Будучи настолько либералами, можно же быть хоть чуть-чуть гуманистами!»

Но если мы по-прежнему говорим о модернизации, а подразумеваем при этом ограбление и уничтожение собственного народа «за счет всего», то, конечно, это можно продолжать, пока не проснется народ. Он уже начинает просыпаться, период относительного сна предыдущего десятилетия заканчивается. Все эти дискуссии можно вести сколь-

ко угодно, но до тех пор, пока не проснется главный актер процесса, который здесь почему-то не зафиксирован.

Вот когда этот актер проснется, произойдет то, что когда-то говорилось в фильме «Операция „Ы“ и другие приключения Шурика» (чуть не сказал: «преступления Шурика»). А там было сказано: «Если я встану, то ты ляжешь».

Так вот, произойдет именно это. Самое тяжелое свойство нашей действительности, о котором я в последнее время все время мучительно думаю, заключается в несостоятельности нашей буржуазии. В России буржуазия принципиально политически несостоятельна. Она не была состоятельна в лице своих лучших представителей — Морозова, Рябушинского, Демидова в 1917 г. Все вещи, которые ее французские или английские коллеги решали за два месяца, она решала девять месяцев и кончилась на этом политически полностью. Но ведь то, что сейчас происходит, — это пародия на ту буржуазию.

Что тут можно сделать? Все-таки попытаться самыми мягкими возможными средствами (а они, увы, будут достаточно жесткими) спасти буржуазную модель развития. Для этого нужно политически оформить конфликт в самом буржуазном классе, противопоставить тех, кому все это развитие не нужно, и тех, кому это нужно. Если те, кому это нужно, еще готовы политически оформиться и выдвинуть реальную программу, стать локомотивным движением, надо дать им шанс. Если же нет, придется поставить крест на буржуазном развитии России.

Но не на народе и не на истории, не на России. Не класс для себя, а класс для России. Если буржуазия неспособна быть классом для России, ее просто не должно быть. К сожалению, это единственная альтернатива.



**Макушкин  
Алексей Георгиевич,**  
*руководитель  
федерального  
государственного  
учреждения  
«Аналитический центр  
при Правительстве  
Российской Федерации»*

<...> Несколько успокаивает то, что проблема с освоением новой синтетической метрики существует не только в России, но и практически в любой другой стране, осмысленно позиционирующей себя в мировом сообществе. У нас, скажем так, есть историческая возможность воспользоваться всеобщей растерянностью, но мы сможем извлечь из этого пользу только при условии, если окажемся достаточно оперативными, целеустремленными и эффективными в части развития собственной модели социального прогресса.

Мне пришлось слышать, что южнокорейцы свой успешный опыт в области стратегии развития построили на идее, согласно которой надо решать проблемы, которые возникают в ходе развития, в интересах дальнейшего развития. О нас же говорят, что Россия решает свои проблемы в ходе экономического упадка и, к сожалению, за счет дальнейшего упадка. Если бы эту логику нам удалось переломить и взглянуть на российскую стратегию

так, как смотрят южнокорейские коллеги, то, я думаю, наши дебаты о будущем России сильно выиграли.



**Перская  
Виктория Вадимовна,**  
*профессор  
Российской академии  
государственной службы  
при Президенте РФ,  
заслуженный экономист  
России, академик РАЕН*

<...> Как уже говорилось, надо отличать идеологический аспект глобализации от собственно экономического ее содержания. Глобализация как экономическая категория рассматривается сегодня во многих источниках, а вот как идеологическая ширма — в целях обеспечения процесса формирования однополярного мирового хозяйства — обсуждается не часто. Детализируя данный аспект, мы должны отметить, что мировое хозяйство современности — это по сути трехуровневая система, характеризующаяся свойствами системности. Верхний сегмент представляют страны «Большой семерки», принявшие концепцию постиндустриализации. По сути она сведена к тому, что 2/3 ВВП — это услуги, остальные 25% — это реальный сектор.

Устойчива ли такая конструкция в длительной перспективе для национальной экономики? Ответ однозначен — нет.

А в условиях фактического слабого национального и вообще отсутствия на межгосударственном уровне жесткого контроля за добросовестностью обращающихся финансовых продуктов это фактор усиления риска возникновения и кризисов, и «заражения» токсической продукцией других стран посредством развития сети международных финансовых центров. В США, например, примерно 78% производства ВВП — это услуги, из них 50% — финансовые. Финансовый сектор в рамках неоллиберальной модели экономики «оторвался» от реального сектора, деньги перестали обслуживать реальное производство, они не связаны с ним. Отсюда то, о чем говорил господин Мэтьюз, — возрастает финансовая активность, растут финансовые институты, финансовая взаимозависимость. Проведенный нами анализ позволяет сделать вывод, что финансовый сектор в современной его роли — это «жупел», своего рода катализатор построения однополярной мировой экономики <...>.



**Кувалдин  
Виктор Борисович,**  
*политолог, профессор*

<...> Я не согласен, конечно, с тем, что интеллектуальный слой был сброшен на дно в период перестройки. Период перестройки закончился в 1990 г. еще до уничтожения Советского Союза, и тогда

как раз именно интеллектуальная элита была востребована, как никогда прежде в российской истории. Не согласен и с оценкой по субъекту. У Кургиняна субъект — это рядовой человек, фактически крестьянин. У Индии, Китая есть надежда, потому что крестьянство — это более половины населения. По-моему, это абсолютно не работает. Скажем, есть регионы, где крестьянство еще более многочисленно. Например, в Африке его существенно больше половины населения. Модернизации там пока что не видно. С другой стороны, есть страны, которые блестяще прошли разные модернизационные этапы и в которых крестьянства в нашем понимании фактически никогда не было. Скажем, в США. Не согласен с оценкой того, что в Азии есть своего рода контур материализации, и в первую очередь это исламский радикализм. Я думаю, что Азия — это очень сложный субъект, она действительно выходит на первый план, но там есть и Объединенные Арабские Эмираты, и Катар, есть и по-своему проводящие очень интересную модернизацию Индонезия и Малайзия.

И, наконец, вопрос об альтернативных модернизациях. Вы знаете, вопрос о том, что у нас в России может вырваться какая-то альтернативная модернизация, несколько напоминает интеллектуальное шаманство. Я думаю, что есть альтернативная модернизация, есть пути, по которым идут модернизированные страны, в частности Китай. Они явно альтернативны по отношению и к американской, и к европейской модели. Что же нам в итоге делать? Надо трезво и реалистично оценить свою ситуацию, надо

уважительно и внимательно относиться к мировому опыту, надо его изучать, поскольку модернизация — это как минимум последние два века. Надо смотреть, что можно применить в наших условиях.



**Некlessа Александр Иванович**, *председатель комиссии по социокультурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН, заместитель генерального директора ИНЭС РАН, руководитель Группы «ИНТЕЛПРОС»*

<...> Хотелось бы сказать несколько слов о стратегии поведения в среде нового мира. Очевидны три направления действия (хотя в запасе остаются и другие, более, скажем так, экзотичные модели поведения).

Первая стратегия действия — это упрощение. Не случайно в одном выступлении звучали слова о приоритете силовых действий, поскольку интенсивность, широта и комплексность изменений вызывают стремление к упрощению

ситуации. И ряд политиков идут по этой дорожке. Второй путь связан с адаптивностью, способностью к эффективной самоорганизации в среде нарастающей неопределенности. Наконец, третье направление стратегического выбора — использование возникающей сложности в качестве ресурса для развития, имея в виду плодотворное освоение зыбких земель сложного мира.

И в заключение о России. У страны сегодня несколько драматичных исторических вызовов. И не стал бы я на первое место ставить экономические проблемы. Более серьезным мне представляется вызов социокультурный. В новом комплексном сообществе страна столкнулась с радикальными переменами политической и социокультурной картографии. Национальные границы постепенно утрачивают прежнее значение, становясь своего рода пунктирами оригинальных социополитических центров притяжения, основанных преимущественно на социокультурной гравитации.

Коллеги упоминали интенсификацию движения кадрового и интеллектуального капитала. Это серьезная проблема для страны. В современном мире страны — не территории, это люди, которые свободно перемещаются в глобальном измерении, увлекаемые теми или иными социокультурными гравитациями. Поэтому одна из серьезнейших и актуальных проблем России — культурный и социальный коллапс, ответом на что может стать усиление собственной позитивной социокультурной гравитации, которая работала бы не как центробежная сила, но как сила центростремительная <...>.



**X** GLOBAL STRATEGIC FORUM (GSF)  
ГЛОБАЛЬНЫЙ СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ФОРУМ **2010**



**Бушуев  
Виталий  
Васильевич,**  
*директор  
Института  
энергетической  
стратегии, профессор*

<...> Сегодня Россия стоит перед двумя вызовами, двумя проблемами. Мы находимся на заключительной стадии глобализма как мощной идеи. Эта идея развивалась в 1970-е годы, она привела к монополярному миру, и сегодня мы рискуем зайти в тупик. Пример: вся экономика, вся энергетическая политика США направлена на задачи энергетической самодостаточности, то есть все эти разговоры о сланцевом газе и разговоры о возобновляемой энергетике в Европе — все это решение политических задач. То есть политика определяет экономику, но никак не наоборот. Мы должны понимать, что именно политические задачи сегодня стоят во главе угла. Поэтому для России глобализм означает, что все страны уйдут от зависимости от нас по экспорту углеводородов и мы можем остаться, извините, ни с чем. Поэтому задача для России в этом плане — это импортозамещение, но не только сырьевое и не только ресурсное. Именно технологическое импортозамещение, импортозамещение идей я бы назвал главным. Мы должны свои идеи вырабатывать, а не смотреть на Запад и на Восток <...>.



**Бялый  
Юрий Вульфович,**  
*вице-президент по научной  
работе международного  
общественного фонда  
«Экспериментальный  
творческий центр»*

<...> Достижительные мотивации индивидуализма, которые могли бы стать альтернативой коллективизму и которые существуют везде на Западе, особенно в США, очень жестко направляются идеологией. Идеологическая доминанта в США в действительности свирепее, чем была в Советском Союзе. Она не такая грубая, она не такая навязчивая, но она последовательнее и жестче, с детского сада до могилы.

У нас же этой идеологии индивидуальной достижительности просто не создано. Но нет и общей целерациональной идеологии и связанных с ней мотиваций, поскольку нет внятного образа будущего — откуда и куда мы идем и что в результате построим. Значит, общесоциальная мотивация отсутствует, ею просто никто не занимался и не занимается. Коллективистская идеология вымирает, а замены ей никакой нет.

И тогда непонятно, подо что и кто будет отдавать ресурс на любые стратегии развития, модернизации и т.д. Ресурсом под некие цели развития не хочет делиться ни одна социальная группа. «Низам» делиться нечем, а «верхи» делиться решительно не хотят <...>.



**Панарин  
Игорь Николаевич,**  
*политолог,  
профессор  
Дипломатической  
академии МИД России,  
академик Академии  
военных наук*

Начну с полной поддержки главного тезиса выступления С.Е. Кургуяна о том, что перестройка уничтожила лучшие слои интеллигенции Советского Союза и России и что без общественно-го трибунала над Горбачевым, который совершил этот преступный акт, невозможно вести дальнейшую модернизацию...

...Теперь о том, что нам делать. Предлагаю свою модель: создание евразийского инновационно-го духовно-нравственного союза во главе с государем Путиным как лидером коллегии национальных государств туда должны войти? Не только страны бывшего Советского Союза, но и, скажем, Турция, и, допустим, Новая Зеландия, которая просится в Таможенный союз.

Что должно лежать в основе союза, какие духовно-нравственные ценности? Наша задача — перескочить из четвертого уклада не в пятый, который заблокировал Горбачев и 80-летие которого, кстати, будет пышно праздноваться в Лондоне. Так вот, мы должны перейти в шестой инновационный уклад, уклад духовно-



нравственный, а для этого нужно восстановить традиционные духовно-нравственные ценности. Очень важно, что у нас есть союзники <...>.



**Демури  
Михаил Васильевич,**  
*директор по программам  
Института динамического  
консерватизма,  
чрезвычайный  
и полномочный посланник  
II класса*

<...> Вижу несколько весьма тревожных факторов, которые не позволяют мне надеяться на долгосрочный положительный сценарий для России. Первый из них — установка власти на то, чтобы в главном сохранять старую, неэффективную финансово-экономическую систему и в самой России, и в мире в целом. Второй — стремление сохранить псевдоэлиту как опору власти. Третий — подрыв основ пополнения настоящей, политически и культурно ответственной элиты, осуществляемый посредством губительной реформы системы образования и разрушения культуры.

Только если мы сохраним традиционную классическую культуру, только если мы не позволим до конца разрушить классическое образование, только если мы действительно захотим опереть-

ся на национальную традицию, включая в первую очередь ее религиозный компонент, мы сможем надеяться на пополнение сильно поредевшей, но все еще живой настоящей русской элиты, как и элит других коренных этносов России. Именно такая элита, а не нынешняя псевдоэлита, сможет путем диалога и практического сотрудничества помочь власти выйти из западнцентристской парадигмы мышления и обрести способность принципиально иначе, по-новому подойти к проблеме выживания России. Или сформирует новую власть, которая не допустит общенационального коллапса.



**Федоров  
Евгений Алексеевич,**  
*председатель комитета  
Государственной думы РФ  
по экономической политике  
и предпринимательству*

<...> Здесь говорилось, что трудно изменить место науки в Российской Федерации. Да в этом нет никаких проблем! Это отработано в десятках стран. Переход пять-шесть лет занимает. Даже Финляндия имеет инновационный тип экономики. И в ней наука, которой там мало, занимает отличное положение. Почему? Да потому что правила изменены таким образом, что есть рынок технологий, которого в России вообще нет. Наш

показатель рынка технологий в 100 000 раз меньше, чем в США, потому что наука в России не является бизнесом. Сколково — это первый пробный камень для перехода науки в бизнес-категорию. Бизнес-категория означает увеличение финансирования науки за счет рынка до 15 трлн руб.

Напоминаю: бюджет Российской Федерации — 10 трлн руб. Это обычная стандартная схема, осуществленная во всех развитых странах. Тут нет никакой хитрости. Другое дело, что мы валяем дурака и делаем вид, что для нас это какая-то великая новость, придумываем какие-то новые формулы. И семьсот тысяч российских ученых, которые работают за рубежом, — это та же история, что с соглашением о разделе продукции и отсутствием стратегии в Российской Федерации. А стратегия Российской Федерации — это вопрос силы. Хватит ли сил у российской нации, чтобы развернуть свою стратегию. Это вопрос борьбы и политической конкуренции. Ничего другого здесь нет.

Наука — это действительно стратегический вопрос. Наука на базе рынка, прикладная наука, фундаментальная наука — все это стандартные вещи для мира, все это — государство. Фундаментальную науку нельзя финансировать нормально, если нет сигнала от науки прикладной. Все это единая цепочка, все это взаимосвязано. Эта система давно отработана, в учебниках давно прописано, что такое модернизация рыночной страны. По оценкам экспертов, четверть мировых технологий произведены либо российскими учеными за рубежом, либо на базе российских идей, купленных на гранты в России. Четверть мировых технологий. Мы сегодня главные по технологиям в мире <...>.

ПЭС 10268/09.12.2010

*Продолжение следует*

**С полными текстами выступлений можно ознакомиться на сайте  
Глобального стратегического форума – 2010 [inesnet.ru](http://inesnet.ru).**